

The memory implanted in concrete space, gesture, image or object is endured communication of the past with the eternal present. Memory seeks to be defined in space, it localizes memories of events of the past and their value. The key moment in the Welsh history, cardinally changed its further destiny, is the gain of Wales the English king Eduard I. Memory of a gain of Wales comes to life within the walls of majestic castles which were erected by Eduard I in Northern Wales with the purpose to assign the won lands to the English crown and to provide military presence of British in case Welshmen lift revolt. Locks represent monuments of the world cultural heritage, control with which is exercised the Cadw organization (service of preservation of historical heritage of Wales), being office on historical Wednesday of governmental assembly of Wales. For Welshmen these monuments of medieval architectural art, despite a reminder on once lost independence, became the integral part of their native land and its rich history.

Key words: gain, memory, history, Wales, locks, cultural heritage

Е.С. Соколова

**РОЛЬ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ
НАДСОСЛОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
ПЕТРА I ПЕРИОДА ВОЕННЫХ СВЕРШЕНИЙ
(90-е гг. XVII – перв. десятилетие XVIII вв.)**

Эпоха петровских преобразований традиционно оценивается в историографии как период окончательной централизации властных структур российской монархии, которая приобретает черты абсолютизма и превращается в государство-империю. Общеизвестна приверженность Петра I к идее законности, воспринятой им из протестантских политико-правовых концепций германского Просвещения, основанных на тезисе о непреодолимой противоположности между нравственным и юридическим предписанием.

Избрав идею законности в качестве теоретической основы своих многочисленных законодательных инициатив, Петр I на протяжении многих десятилетий использовал ее для легитимации действующих норм Соборного уложения, пронизанных принципом сословности. К тому же законность рассматривалась им как единственное юридическое средство, позволяющее сконцентрировать всю полноту верховной власти в руках монарха, что неизбежно вело в условиях господства традиционалистской социальной парадигмы к закреплению надсословного статуса самодержавия. Поставив судьбу своих преобразований и стабильность

императорского статуса в зависимости от степени практического воплощения доктрины «законной монархии» в повседневный юридический быт России, Петр I создал таким образом, прецедент для своих ближайших преемников и подготовил почву к превращению принципа законности в основополагающий фактор правовой политики российского самодержавия.

Ключевые слова: принцип законности, централизация, российское самодержавие, правовая политика

Эпоха петровских преобразований традиционно оценивается в историографии как период окончательной централизации властных структур российской монархии, которая приобретает черты абсолютизма и превращается в государство-империю. Общеизвестна приверженность Петра I к идее законности, воспринятой им из протестантских политико-правовых концепций германского Просвещения, основанных на тезисе о непреодолимой противоположности между нравственным и юридическим предписанием. Ее официальное обоснование было дано в первой четверти XVIII в. под воздействием представления западных ученых-государствоведов раннего Нового времени об опосредованности суверенной власти монарха наличием подзаконной системы центрального и местного управления.

К началу XVIII столетия правосознание российских законодателей обогатилось реминисценциями из наследия Г. Лейбница, С. Пуффендорфа и Х. Вольфа, для которых естественное право личности на жизнь, свободу и собственность являлось краеугольным камнем стабильного правогосударственного уклада. Вся система власти и управления, созданная в ходе реформ Петра I, была ориентирована на закрепление юридически гарантированного принципа законности, необходимого для защиты «общего блага» от произвола и лихоимства чиновников. С 1722 г. ведущая роль в обеспечении правопорядка отводилась системе прокурорского надзора, «повинного ... крепко смотреть», чтобы каждый чиновник Сената «свою должность хранил и ... порядочно ... по указам и регламентам отправлял, разве какая законная причина к отправлению ему помешает»²³³.

²³³ Прочитываю текст именного указа Петра I от 27 января 1722 г., опубликованный в 1804 г. Л. Максимовичем в четвертом томе «Указателя российских законов, временных учреждений, суда и расправы, по Высочайшему соизволению изданного ...». Цит. по: Законодательство Петра I / Отв. ред. Преображенский А. А., Новицкая Т. Ф. М., 1997. С. 133. См. более подробно: Латкин В. II. Учебник русского права периода Империи (XVIII и XIX вв.). М., 2004. С. 3–4; Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII в. и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 64–68; Соколова Е. С. Институт сословных прав в официальной политической доктрине и законодательстве России середины XVII – первой половины XIX века (дворянство, духовенство, купечество). Екатеринбург, 2011. С. 89–98.

Вопреки распространенному в историко-правовой литературе мнению об отсутствии планомерности реформаторских начинаний Петра I, в основном, спровоцированных началом Северной войны, можно констатировать наличие тенденции к преемственности отдельных элементов его законодательной политики от первых Романовых. Приверженность самодержцев второй половины XVII в. к модели законной монархии сыграла роль своеобразного катализатора в процессе централизации государственно-правовых структур Московской Руси. Успех этого начинания в значительной степени зависел от уровня систематизации законодательства, созданного после принятия «Соборного Уложения». Претендуя на роль гаранта правовой справедливости по отношению ко всем сословиям Московского государства, царская власть видела свою задачу в максимальном преодолении коллизий действующего законодательства. С этой целью еще Федор Алексеевич задумал проведение кодификационных работ, санкционировав их начало именным указом от 16 декабря 1681 г. Начальники московских приказов получили предписание выявить все судебные решения, вынесенные на основе совместных приговоров прежних государей и Боярской думы «сверх Уложения 157 году и сверх новых статей». Сделав соответствующие выписки из дел прошлых лет, приказные люди должны были приступить к следующему этапу систематизации. Он заключался в составлении новых законодательных норм, «какия в которых приказах к верхшнюю всяких дел пристойны» и сопоставлении их с нормативными актами, утвержденными после 1649 г. Затем «новоприбылыя статьи» следовало внести в специальные тетради, заверить их подписями приказных дьяков и выслать царю для ознакомления в Разряд²³¹.

Скоропостижная кончина Федора Алексеевича без прямого наследника и вызванная этим обстоятельством борьба за власть между Милославскими и Нарышкиными помешала реализации этого полезного начинания. Тем не менее, идея законности оказалась востребованной и при дворе царевны Софьи Алексеевны, которая хорошо сознавала шаткость своих притязаний на роль правительницы государства и стремилась компенсировать отсутствие в православной России традиций женского правления отдельными законодательскими инициативами сословного характера. Например, в законодательстве 1680-х гг. отчетливо прослеживается стремление расположить в пользу нового правительства широкие слои служилых людей Москвы и подмосковных уездов. Их социальная поддержка могла стать серьезным противовесом дальней-

---

²³⁴ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830–1917 (далее – ПСЗ). Собр. I. Т. 2. № 900. С. 366–367.

шему усилению стрельцов, которые уже продемонстрировали свою ненадежность в ходе «хованщины»²³⁵. Кроме того, притязания России последней четверти XVII столетия на активное участие в большой европейской политике могли быть успешными только на фоне постепенного реформирования боярско-дворянского ополчения и военной организации служилых людей «по прибору». Хорошо известно, что подобная перспектива вызывала негативную реакцию стрелецкого войска, так как оно не отличалось мобильностью и не могло составить основу регулярной армии.

Изучая внешнюю историю законодательства Российской империи, известный правовед второй половины XIX в. В.Н. Латкин, методологически близкий к государственно-юридической школе, справедливо отмечал «реформаторский характер» большинства нормативных актов петровского и послепетровского периода. Причину этого феномена он искал в почти полной оторванности законотворческих инициатив императорской власти от обычаев старомосковского периода. По мнению ученого, новаторские тенденции, наметившиеся в российском законодательстве после Смуты, были обусловлены необходимостью закрепления механизма функционирования новых государственно-правовых структур неограниченной монархии. Исследователь выделил два основных признака правовой системы Российской империи, сформированных под влиянием петровских преобразований первой четверти XVIII в.: начиная с эпохи правления Петра I законодательство являлось плодом... чисто теоретических соображений отдельных лиц, или же... сколком с²³⁶ иностранных образцов». Можно не соглашаться с приведенной в этой цитате характеристикой рецепции русским законом западноевропейских правовых инноваций и степени ее глубины. Но сам факт выявленной Латкиным коллизии между «старинной» и «новизной» весьма примечателен, отражая стремление российских законодателей формально включить новую империю в политическое пространство Западной Европы, сохранив при этом элементы традиционализма в качестве своеобразных несущих конструкций.

Молодой Петр I хорошо осознал несовершенство российской правовой системы уже в ходе ожесточенной борьбы за власть с царевной Софьей, исход которой зависел лишь от благоприятной расстановки социально-политических сил в поддержку каждого претендента. Оба обладали преимуществом законного происхождения от «природных государей», но единственным основанием для властных притязаний юного Петра Алексеевича была сила старомосковского обычая, пре-

---

²³⁵ Там же. Т. 2. № 1175. С. 749–751; № 1192. С. 798–800.

²³⁶ Латкин В.Н. Указ. соч. С. 3.

пятствующего мирской активности православных царевен. Тот же обычай отдавал предпочтение царю Иоанну Алексеевичу как старшему из двух братьев умершего Федора. Хорошо понимая это, Петр I в 1689 г. ограничился отстранением Софьи от регентства, но сохранил царский титул своего брата-соправителя, несмотря на то, что его пребывание у власти всеяло несбыточные политические надежды в Милославских.

Обстоятельства фактического воцарения Петра I способствовали сохранению в законодательстве 1690-х гг. тенденции к укреплению принципа законности, доставшейся молодому царю в наследство от первых Романовых. Его первая законотворческая инициатива в этой области была продиктована стремлением упорядочить правоприменительную практику, пришедшую в упадок за годы правительственной деятельности царевны Софьи. 18 октября 1689 г. молодой Петр при поддержке Иоанна Алексеевича подтвердил неизблемость всех именных указов, утвержденных «при державе Отца их ... и при Брате их, ... и при Них». Был наложен строгий запрет на пересмотр уже «вершенных» судебных дел, рассмотренных в соответствии с нормами «Соборного Уложения» и последующего законодательства²³⁷.

Желая продемонстрировать подданным российской короны наличие стабильности верховной власти, Петр I запретил принимать в московских приказах челобитные частных лиц с просьбами о пересмотре уже вынесенных судебных решений. Юридическим основанием для отказа в осуществлении «пересуда» было объявлено наличие в бумагах судебного делопроизводства выписки из соответствующего именованного указа за подписью думного дьяка. Таким образом, сохраняя традицию московского процессуального законодательства, в котором судебные инстанции соответствовали иерархии традиционного общества и существовали, прежде всего, для централизации правоприменительной деятельности местной администрации, Петр I существенно видоизменил ее. Одновременно он повел мощное наступление на нигилизм массового правосознания. За утайку судебного решения, вынесенного на основании законотворчества «природных государей» прошлых лет, законодатель грозил челобитчикам смертной казнью²³⁸.

Выбор Петра I в пользу строгого формализма для обеспечения принципа законности в судебной практике объяснялся политическими обстоятельствами. властно диктовавшими необходимостью нормативного закрепления всеобщезательности именных указов. В ходе соперничества за доступ к верховной власти с царевной Софьей молодой царь планомерно устранил с политической арены наиболее активных сторонни-

---

²³⁷ ПСЗ I. Т. 3. № 1355. С. 43–43.

²³⁸ Там же.

ков усиления Милославских из элитарных слоев служилого сословия. Заключив бывшую правительницу в Новодевичий монастырь, Петр I санкционировал проведение розыскных процессов против ее ближайших сторонников из среды столичной служилой элиты. Судебные приговоры по делам В. Шакловитого, Циклера и князей Голицыных, содержали развернутое обоснование причин царской опалы, постигшей посягнувших ради несправедливого достижения власти на неизбежность «государьского порядка»²³⁹.

Представления молодого Петра о законности отличались поверхностностью. Прагматическое осмысление достижений и просчетов западноевропейской правовой культуры началось для него под влиянием личного ознакомления с государственностью ряда европейских держав во время Великого посольства 1697–1698 гг. В более раннем законодательстве юного царя есть примеры произвольного внесения изменений в нормативные акты из конъюнктурных соображений. «Дух» и «буква» подобных инициатив вполне соответствуют политико-правовому идеалу «вольного самодержавия» времен Ивана Грозного. Например, накануне своей первой поездки в Европу царь подписал именным указом от 20 января 1697 г., об отмене земельных раздач служилым людям, принимавшим участие в Крымских походах под предводительством князя В. В. Голицына²⁴⁰.

Массовые пожалования поместий боярам, воеводам и прочим ратным людям, осуществленные в 1687 и 1689 гг. должны были, по мнению правительства царевны Софьи, хотя бы в какой-то мере компенсировать служилому сословию тяжелейшие условия Крымской военной кампании, возникшие в результате военно-стратегических просчетов российского командования. Сознывая себя законным государем, Петр, который после смерти брата Ивана правил единолично, не собирался начинать дипломатические игры с боярско-дворянской верхушкой. Окрыленный победами над турецким противником под Азовом, он уже видел себя в мечтах во главе Русской державы, обретшей весомый международный статус. Собираясь инкогнито в ознакомительное путешествие по Европе, царь продумывал возможную внешнеполитическую тактику по обретению долговременных союзников для продолжения дальнейшей борьбы за выход к незамерзающим морям. Быстрое достижение этих амбициозных целей было возможно лишь при максимальном напряжении сил и средств, что, несомненно, повышало актуальность старомосковских представлений о государе-вогчиннике, управляющем подданными-холопами. В глазах Петра I служилые люди, по-

---

²³⁹ ПСЗ I. Т. 3. № 1349. С. 33–36; № 1395. С. 89–91.

²⁴⁰ Там же. № 1565. С. 272.

страдавшие в Крыму, были строительным материалом для возведения обращенного на Запад нового фасада Московского государства. Готовясь к новой войне, он решительно санкционировал обратную силу указов, изданных при царевне Софье от его имени.

Тяга молодого Петра к буквальной трактовке исключительного права монарха-самодержца на законодательные инициативы проявилась и в практиковавшихся им способах воздействия на правосознание тех представителей боярской элиты, которые не торопились признавать законную силу царских указов казуистического содержания. Например, в 1691 г. за «ослушание Государям» было отнято боярство у князя Г.А. Козловского, который сказался большим, чтобы не присутствовать на официальной трапезе у патриарха Адриана.

Отношения царя с этим преемником патриарха Иоакима, обеспечившего в 1689 г. Петру поддержку не только духовенства, но и московских служилых людей, складывались непросто. По мере увлечения молодого государя протестантской моделью взаимодействия церкви и государства Адриан все больше отдалялся от двора, вызывая у Петра неприязненное чувство своей приверженностью к религиозно-политической доктрине ортодоксального православия. Тем не менее, в 1691 году царь еще предпочитал соблюдать по отношению к новому патриарху высший церемониал, принятый его предшественниками, и требовал того же от Боярской Думы.

15 апреля 1691 г. князь Г.И. Козловский вместе с другими боярами и окольными получил «указ Великих Государей быть в тот же день «у стола» «всей России и всех северных стран Патриарха». В число лиц, обязанных присутствовать на церемонии у Адриана, вошел и думный дяк «Емельян Игнатьев сын Украинцов», с именем которого связано заключение Константинопольского мира с Турцией накануне вступления России в Северную войну. Вероятно, князь Козловский по каким-то причинам частного характера медлил с отъездом в государев «верх», хотя первоначально и дал согласие. В течение дня к нему на двор дважды были «посыланы из Розряда» подьячие «Василий Мясников да Василий Буслаев ... (да – Е.С.) Василий же Мясников с товарищи с 3 чело века, ... и он тем подьячим сказал, что де за болезнью ему ... ехать немочно». Потеряв терпение, Петр распорядился отправить к Козловскому разрядного дяка Ивана Уланова «с подьячими ж, чтоб он в верх ехал без мотчания». В случае неповиновения царскому указу Уланов должен был забрать у строптивого князя карету или верховую лошадь, и «его в город привезть неволею»²⁴¹.

---

²⁴¹ ПСЗ I, Т. 3, № 1381, С. 70–80; № 1401, С. 100–102.

Когда посланцы из Разрядного приказа попытались выполнить предписание царя, данное от имени Петра и Ивана Алексеевичей, князь вновь сослался на болезнь, категорически отказавшись от поездки. Он встретил Уланова и его людей «в черном платье», а все княжеские экипажи и лошади оказались где-то «прихоронены». Узнав о случившемся, Петр вновь отправил дьяка в дом Козловского с новым именным указом. Фарс обернулся драмой. За «непослушание» Государям боярин был насильно привезен в Кремль «к Красному крыльцу на простой телеге». Козловский, вероятно, решив, что ему уже нечего терять, «из телеги не вышел и в верх не пошел и учинился непослушен же». Петр снова отправил к нему Ивана Уланова и думного дьяка В.Г. Семснова, еще раз объявивших указ «Великих Государей», чтоб «он чернос платье с себя сложил» и вместе с боярином Л.К. Нарышкиным, поднялся бы в патриаршью Крестовую палату. На все уговоры и угрозы, Козловский упрямо отвечал, «что за болезнию своєю в верх идтить и у стола быть он не сможет, и черного платья с себя не сложил»²⁴².

За драмой последовала трагикомедия. По новому именному указу боярина вытащили из телеги и отнесли в Крестовую палату. Идти сам он уже не хотел, да, вероятно, и не мог. Некоторое время князь пролежал на полу «и у стола не сидел». По приказу Петра разрядный дьяк Перфилий Оловеников силой заставил Козловского занять отведенное ему место рядом с дядей молодого царя Нарышкиным – родным братом царицы Натальи Кирилловны. Трудно сказать по какой причине, но в диспозитивной части именного указа от 15 апреля 1691 г. о перечислении князя Козловского в городовые дворяне сообщается, что «Боярин за столом о себе не сидел, а держали его Розрядные подъячие». Реакция Петра на случившееся была немедленной и очень жесткой. В тот же день последовал именной указ, составленный в письменной форме, по которому Козловский за ослушание «Государскому» предписанию был переведен на дворянскую службу в город Серпейск. Воля обоих «Великих Государей Царей и Великих Князей ... Самодержцев» была объявлена публично на площади у Красного крыльца, «чтоб на то смотря и иным впредь так делать было неповадно»²⁴³.

Указ от 15 апреля 1691 г., разрушивший по прихоти молодого монарха судьбу Козловского, содержит в себе знаковые черты, свойственные и последующему правотворчеству Петра I. Изложенные в нем обстоятельства, приведшие к понижению опального князя в сословном чине, свидетельствуют о наличии ярко выраженной вотчинной тенденции в правосознании царя. Его стремление к нормативному закрепле-

---

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же. С. 102.

нию общеобязательности любых предписаний верховной власти изначально отличалось деспотическими чертами. В частности, дьяки Разрядного приказа не предъявили Козловскому ни одного письменного указа за подписью самодержцев. Более позднее законодательство петровского царствования разрабатывалось под уже влиянием западноевропейского опыта формализации права. Тем не менее, придя к выводу о приоритетном значении положительного закона для реализации своих реформаторских замыслов, Петр I, в целом, отдавал предпочтение принудительным средствам воздействия на умонаторсения своих подданных. Его западничество имело строго очерченные границы, пределы которых определялись потребностью российской монархии в укреплении самодержавной модели верховной власти. Этим объясняется убежденность Петра в возможности полной нивелировки личности рядового большинства людей в целях скорейшего достижения государственного блага.

В.О. Ключевский справедливо отметил двойственность нравственно-политического облика этого государя, который «был грубым и жестоким как царь», отличаясь исключительной добротой и личным обаянием в частной жизни²⁴⁴. Стоит добавить, что цена в своем ближайшем окружении проявление инициативности, Петр I из прагматических соображений не был склонен к преодолению старомосковской инертности служилого населения. Указ от 15 апреля 1691 г. свидетельствует о том, что даже боярская верхушка воспринимала государеву службу как тяглую повинность. В свою очередь законодатель намеренно не торопился возвести казус, спровоцировавший «дело Козловского», в ранг общеобязательной правовой нормы, сделав выбор в пользу публичного оповещения служилых людей о происшедшем. Стремясь к сохранению социально-политического равновесия между боярством и верховной властью в условиях быстрого роста внешнеполитической активности России на южном и западном направлениях, Петр I ограничился констатацией прецедентного значения избранной им санкции за нарушение именных указов.

Формирование тенденции правотворчества 1690-х гг. к абсолютизации воли монарха происходило на фоне попытки систематизации законодательства, появившегося после принятия «Соборного Уложения». В именованном указе от 17 марта 1694 г. был разработан правовой механизм переноса судебных дел из московских приказов в Боярскую Думу и в суд Великих Государей. Речь шла, прежде всего, о тех случаях, когда обращение в вышестоящую судебную инстанцию осуществлялось не по

---

²⁴⁴ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 2. М., 1997. С. 482.

инициативе сторон, а приказными людьми, обнаружившими в ходе судебного разбирательства отсутствие в нормативной базе Московского государства подходящую к обстоятельствам дела законодательную норму.

В случае, когда самим судьям указу «...учинит будет немочно», Великие государи предписали слушать такие дела «у себя ... в верху в Передней Бояром и Думным людем всем ...». Для понимания последующей законодательной политики Петра I показательно, что в нормативном акте 1694 г. были закреплены юридические границы правотворчества верховной власти при вынесении судебного решения в «спорных случаях». «Великие Государи» обязывались «свой указ чинить ... по Уложению и по новоуказным статьям». В законную силу объявленное от их имени судебное решение вступало после письменной регистрации с указанием года, месяца и числа, которая осуществлялась думными дьяками. Важно отметить, что очерчивая правовые рамки своей законотворческой деятельности, Петр I частично отказался от декларированного им в 1689 г. запрета на «пересуд» в случае недовольства сторон вынесенным судебным решением. Он разрешил подачу челобитных на высочайшее имя с просьбой о пересмотре приговора, вынесенного приказными судьями, но распространил это право только на лиц, недовольных «ввршением дел», по которым трудно было найти подходящий именной указ²⁴⁵.

Понимая необходимость преодоления хаотичности нормативных актов, накопившихся в результате интенсивной законотворческой деятельности верховной власти во второй половине XVII столетия, Петр I решил возродить нереализованный замысел своего брата Федора Алексеевича о пополнении Соборного Уложения новыми статьями. Согласно именованному указу от 6 июня 1695 г., приказные дьяки должны были сопоставить текущее законодательство с нормами Уложенной книги и новоуказными статьями с целью выяснить, что «в тех статьях к вершению ... пристойно неполнено». Далее они должны были приступить к выполнению задачи приведения в должный порядок устаревших статей «Соборного Уложения», так и не завершённой в предшествующее царствование. Наивно полагая, что «косметический ремонт» действующего законодательства не займет много времени, молодой Петр предполагал сосредоточить свои усилия на подготовке и проведении Азовских походов. До окончательного прояснения военно-политической обстановки на южных границах он собирался заниматься вопросами систематизации права от случая к случаю, по мере укрепления международного статуса Российского государства. Повторив предписание Федора Алексе-

---

²⁴⁵ ПСЗ I. Т. 3. № 1491. С. 177-178.

вича о необходимости составления в каждом московском приказе «докладных выписок» о работе по усовершенствованию нормативной базы. Петр I распорядился приложить к ним соответствующие законодательные статьи и оставить весь подготовленный дьяками делопроизводственный материал «до Их Великих Государей указа»²⁴⁶.

Убедившись в трудоемкости масштабных работ по исправлению норм «Соборного Уложения», молодой царь предпочел обратиться к традиционной практике своих предшественников и закрепил на законодательном уровне поощрение доносов с целью укрепления принципа законности в системе местного управления. Этот шаг был продиктован быстро растущей независимостью воевод от Москвы в период кризиса верховной власти 1680-х гг. Осуществляя военную кампанию на южном направлении, требовавшую больших финансовых затрат на строительство и содержание флота, Петр обратил внимание на эту проблему. Особенно его беспокоила ситуация в городах Урала и Сибири, которые являлись перевалочными пунктами сбора и доставки в Москву ценных видов пушнины. Поступления в казну постепенно становились настолько мизерными, что в 1696 году царь приказал начать розыск по делу о притеснениях торговых людей и финансовых злоупотреблений князей Гагариных, длительное время исправлявших воеводские должности в ряде сибирских городов.

23 января 1696 г. Петр подписал именной указ о взятии показаний с «Гостей и Гостинных сотни и разных поморских городов всяких чинов торговых людей, которые в Сибири торгуют и ныне на Москве в присезде есть». Все они были вызваны в Сибирский приказ и оповещены о воле государя, который предписал провести их «расспрос» по законодательно закрепленным пунктам. Проведение розыска с применением традиционного для московского процессуального законодательства «повального обыска», было санкционировано Петром I с целью доказать виновность воевод в нарушении интересов «государева дела». В «Соборном Уложении» отсутствовали статьи, устанавливающие границы должностных правомочий местной администрации. Князья Гагарины явно ориентировались на бытовавшую до них практику воеводского управления. Учитывая это, Петр разработал в именном указе от 23 января 1696 г. своеобразную шкалу финансово-экономических правонарушений, влекущих за собой юридическую ответственность воевод, но предпочел оставить в неприкосновенности принцип неопределенности уголовного наказания²⁴⁷.

---

²⁴⁶ ПСЗ I. Т. 3. № 1513. С. 204.

²⁴⁷ ПСЗ I. Т. 3. № 1535. С. 218–220.

Прежде всего, служилые люди Сибирского приказа были обязаны установить степень разорительности произвольно установленных местной администрацией таможенных пошлин с Сибирских и китайских товаров, которые взимались в Якутском остроге и Иркутске с русских торговых караванов. Интересовали Петра I и факты беспрошленного провоза восточных шелковых тканей и сибирской пушнины через Нерчинск воеводскими «родственниками и знакомцами». По материалам предшествующего розыска было известно о торгово-промышленной деятельности самих воевод Гагариных, осуществленной в обход существующей практики. Стараясь установить размеры утаенных ими от казны финансовых средств, Петр приказал выяснить в ходе «повального обыска», «кто у воевод сколько соболей ... и лисиц и всякаго разнаго зверья купили...». Розыск по делу князей Гагариных проводился по нормам «Соборного Уложения», которые предусматривали приведение его участников к присяге «... по Евангельской заповеди». Не особенно доверяя в данном случае религиозно-нравственным убеждениям торговых людей, которые явно опасались за дальнейшую судьбу своих доходов от сибирской торговли, Петр I решил, что законодательное принуждение будет более действенным средством воздействия на уровень правосознания немногочисленной посадской элиты. В указе от 23 января 1696 г. он традиционно пригрозил ослушникам царской воли «государевой опалой», ближайшим следствием которой должна была стать отписка их «животов» в государственную казну²⁴⁸.

Всра верховной власти второй половины XVII в пресвентивную силу устрашения и доносов на ослушников царских законов базировалась на законодательных нормах «Соборного Уложения», которые первоначально предназначались для разработки правового механизма розыскного процесса по делам о злоумышлении против государя и членов его семьи. Распространяя их действие на процедуру установления вины по менее тяжким уголовным преступлениям, Петр I, очевидно руководствовался не столько личными убеждениями, сколько хаотичным состоянием законодательства. Ежегодно оно пополнялось сотнями новых именных указов и обрастало коллизиями, провоцируя при этом большее количество пробелов, не позволявших установить факты его нарушения правовыми способами.

Интерес Петра I к поиску правовых средств внедрения принципа законности в юридический быт России сохранился и в начале Северной войны. Этому в немалой степени способствовали политические события 1690-гг., сделавшие очевидной для царя шаткость его власти, что ставило под угрозу и судьбу намеченных им преобразований. Мо-

---

²⁴⁸ Там же. С. 220.

дель «законной монархии» понадобилась Петру для укрепления правового статуса самодержавия. что, в свою очередь, должно было повысить доверие подданных к его стратегическим замыслам в области внутренней и внешней политики. Не склонный открыто прислушиваться к мнению ревнителей «старинны», царь, вероятно, все же извлек определенные уроки из громких следственных дел конца XVII в. В частности, материалы розыска о деятельности кружка старца Авраамия свидетельствовали о том, что недовольство политическими просчетами Петра I охватило не только духовенство, но и широкие слои горожан. Помимо зажиточного посадского населения втянутыми в него оказались приказные люди. Все они сетовали по поводу произвола администрации, усиления взяточничества, необоснованной раздутости штатов, отсутствия четких должностных инструкций и судебную волокиту²⁴⁹. В первое десятилетие XVIII в. нормотворчество царя в сфере укрепления закона и законности было направлено на частичное преодоление указанных недостатков управленческой практики самодержавного государства.

Петр справедливо полагал, что решение этой задачи было невозможно без упорядочивания нормативной базы, доставшейся ему в наследство от предшественников и дополненной именными указами 1690-х гг. Накануне Северной войны он вновь вернулся к вопросу о систематизации законодательства, на основе дополнения «Соборного Уложения» более поздними нормативными актами. Хорошо сознавая, что наличие большого количества коллизий в правовой системе противоречит принципу законности, царь подошел к вопросу о создании нового свода законов, более основательно, чем это было сделано в период Азовских походов.

18 февраля 1700 г. Петр I подписал именной указ об открытии законодательной комиссии для составления Новоуложенной книги. Главная инновация царя заключалась в принципе введения личной ответственности членов Палаты о Уложении, назначенных им для исправления прежнего законодательства. Он сам определил состав законодательной Палаты, куда вошел 71 человек. Три четверти ее присутственных лиц имело чин стольников, т. е. принадлежало к влиятельным служилым фамилиям Москвы, не игравшим, однако, заметной роли в Боярской Думе. Новый указ Петра I был объявлен всем приказным судьям, которые должны были организовать в своих ведомствах работу по выявлению новелл действующего законодательства. Согласно приговору Боярской Думы его текст был записан в специальную тетрадь для сведения всех членов законодательной комиссии. Их список Петр I распорядился

---

²⁴⁹ См. более подробно: Павленко П.И. Петр Великий. М., 1994. С. 62–64.

отправить в Разряд, чтобы там было «ведомо», «кому указал Великий Царь быть... у той новоуложенной книги»²⁵⁰.

Начиная с 13 августа 1700 г., работа комиссии постепенно приобрела спонтанный характер, что в значительной степени, можно объяснить серьезными неудачами России в начальный период Северной войны. Есть сведения и о том, что отдельные участники законодворческого начинания верховной власти вообще не задумывались о государственном-правовом значении возложенного на них дела, оценивая свою работу в комиссии как обременительное тягло государственной службы. Так, например, поступил стольник князь Я.С. Львов, который осенью 1700 г. вообще не посещал заседания Уложенной Палаты, предпочитая проводить неожиданно выпавшие ему дни досуга в своих «загородных дворах». Петр I находился в это время под Нарвой и уже в полной мере испытал горечь первых поражений. Его возмущение вольным поведением князя, назначенного вместо ратной службы к выполнению правительственного поручения не меньшей важности, отражено в собственноручной грамоте царя, адресованной провинившемуся стольнику. В ней Петр I гневно упрекал князя Львова в пренебрежении царским указом, так как «по сказке» княжеского человека стало известно, что тот отсиживается в своей костромской деревне. «И как к тебе ся наша грамота придет, – требовал царь, – и ты бы ехал к Москве, не мочав и явился к Ответной Палате к боярам князю Ивану Борисовичу Троекурову с товарищи»²⁵¹.

В целом, московская приказная администрация медлила с исполнением именного указа от 18 февраля 1700 г., не имея в своем распоряжении требуемых законодательной комиссией сведений. Тем не менее, к концу весны 1700 г. законодательная комиссия все же получила материалы для составления Новоуложенной книги и распределила их между подьячими, которые должны были разместить новые указы по главам и статьям «Соборного Уложения». В значительной мере этому способствовал строгий порядок делопроизводства, введенный в законодательной комиссии. Все результаты переговоров с приказными дьяками заносились в специальную «записную тетрадь» с указанием точных дат, а также имен и фамилий участвовавших в этих переговорах лиц. Выписки из новоуказных статей предоставлялись в законодательную комиссию за подписью дьяков и тоже регистрировались.

Несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку первых лет Северной войны, повлекшую за собой проведение масштабной военной реформы и преобразования финансово-экономического характе-

---

²⁵⁰ ЦСЗ I. Т. 3. № 1765. С. 14; Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России XVIII в. Историко-юридическое исследование. Т. 1. СПб., 1887. Паг. II. С. 1–2.

²⁵¹ Цит. по: Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России. Паг. II. С. 3–4.

ра. Петр I окончательно потерял интерес к законодательной комиссии только поздней осенью 1703 г. Ее последнее заседание состоялось 14 ноября. За время своей деятельности она успела подготовить обновленный проект «Уложения» и рассмотреть доставленные позже указы о поместьях, вотчинах, принципах налогообложения, сбора таможенных пошлин и правилах торговли. Как известно, царь не утвердил представленных ему проектов Новоуложенной книги и сопроводительного манифеста²⁵².

Оценивая итоги работы первой законодательной комиссии XVIII в., не следует забывать, что в 1718 г., когда в ходе Северной войны окончательно обозначился перелом в пользу России, Петр I вернулся к идее дополнения Уложения новыми указами. Вероятно, его неприятие результатов деятельности Уложенной палаты 1700–1703 гг., было продиктовано вполне обоснованными сомнениями в степени соответствия разработанного ею законопроекта потребностям военного времени и явно обозначенной во внутренней политике царя тенденции к быстрой европеизации страны. Вряд ли мог понравиться Петру, который явно проявлял склонность к самодержавной модели верховной власти, и вынесенный на его утверждение проект манифеста об обнародовании Новоуложенной книги. Составители этого документа ориентировались на пресамбулу «Соборного Уложения», которая принималась в иной социально-политической обстановке, когда первые Романовы еще были вынуждены считаться с мнением патриарха, Боярской Думы и сословных представителей от всех земель Московского государства.

Несмотря на явную разочарованность Петра I общим итогом затеянной им реформы законодательства, он использовал ее опыт для организации делопроизводительной деятельности новых государственных учреждений, пришедших на смену Боярской Думе. В условиях отсутствия систематизированной нормативной базы, закреплявшей основные результаты во многом спонтанной преобразовательной деятельности первых десятилетий XVIII столетия, царь видел результативный способ установления контроля за действиями чиновников в усложнении делопроизводства. Надеясь добиться от управленческого аппарата строгого следования «букве» именных указов, Петр I стремился к максимальной формализации повседневной практики администрирования. С этой целью проведение широкомасштабных реформ 1705–1722 г., направленных на усиление централизации государственного аппарата,

---

²⁵² Латкин В.И. Законодательные комиссии в России XVIII в. Паг. II. С. 15–17.

сопровождалось тщательной разработкой и законодательным закреплением сложных форм административного делопроизводства²⁵³.

Временный отказ Петра I от корректировки норм «Соборного Уложения» спровоцировал укрепление тенденции его царствования к усилению личной роли монарха в решении вопросов общегосударственного значения. Многие правотворческие начинания Петра I в сфере моделирования «законной монархии» несли в себе отпечаток чрезвычайности и торопливости, постулированный затянувшейся Северной войной, и по этой причине не всегда отличались последовательностью. Та же генетическая особенность оказалась присуща и петровским инициативам в области систематизации законодательства, при осуществлении которых петровскому правительству пришлось столкнуться с труднопреодолимыми противоречиями между рациональным духом новых учреждений и старомосковской привычкой к субъективизму и приказной волоките.

Кроме того, поверхностное западничество Петра I служило прикрытием его непоколебимой веры в непререкаемость своего авторитета и справедливость суждений, которая прежде была неотъемлемой чертой социокультурного облика самодержцев русского средневековья. Данное обстоятельство приучило царя к вольному обхождению с принципом законности, который рассматривался им лишь в качестве необходимого правового инструментария для реализации политики «общего блага». Ставя приоритет «государственного интереса» выше любых партикулярных соображений, царь нередко отождествлял законность и справедливость, придавая формальному выражению своей воли значение нравственного закона, переданного людям от Бога через посредничество земного монарха.

Несмотря на явное наличие волонтаристских тенденций в моделировании государственно-правовых институтов «законной монархии» законодательные инициативы Петра I в области укрепления принципа законности и его внедрения в правосознание подданных отличались последовательностью. Осуществляя их в условиях военного времени, царь настолько заботился об успешной реализации «государственного интереса», что нередко сознательно приносил ему в жертву не только «партикулярное» благо, но и саму идею законности. Придание обратной силы закону и нарушение порядка утверждения законопроекта, необходимого для придания ему юридической силы практиковались по воле царя даже после окончания Северной войны с различной социально-политической мотивировкой.

---

²⁵³ См., например: ИСЗ I. Т. 4. № 2022. С. 285; № 2331. С. 643–644; № 2342. С. 652–654; № 2576. С. 859–860; Т. 5. № 2791. С. 89–90; № 3068. С. 489; № 3096. С. 499–500; Т. 6. № 3498. С. 122–123; № 3801. С. 404–405; Т. 7. № 4482. С. 267–268.

Избрав идею законности в качестве теоретической основы своих многочисленных законодательных инициатив, Петр I на протяжении многих десятилетий использовал ее для легитимации действующих норм Соборного уложения, пронизанных принципом сословности. К тому же законность рассматривалась им как единственное юридическое средство, позволяющее сконцентрировать всю полноту верховной власти в руках монарха, что неизбежно вело в условиях господства традиционалистской социальной парадигмы к закреплению надсословного статуса самодержавия. Поставив судьбу своих преобразований и стабильность императорского статуса в зависимость от степени практического воплощения доктрины «законной монархии» в повседневный юридический быт России, Петр I создал, таким образом, прецедент для своих ближайших преемников и подготовил почву к превращению принципа законности в основополагающий фактор правовой политики российского самодержавия.

E.S. Sokolova

Sokolova Elena Stanislavovna – the associate professor of history of state and law of the Ural state legal academy, the candidate of jurisprudence, the associate professor.

**ROLE OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN FORMATION
NADSOSLOVNY TENDENCIES OF LEGAL POLICY
PETER I PERIOD OF MILITARY FULFILMENTS
(The 90th of XVII – perv. decade of the XVIII centuries)**

The era of Petrovsky transformations is traditionally estimated at historiographies as the period of final centralization of power structures of the Russian monarchy which gains lines of an absolutism and turns into the state empire. Peter I commitment to idea of the legality apprehended by it from Protestant political and legal concepts of the German Education, based on the thesis about irresistible contrast between the moral and legal instruction is well-known.

Having chosen idea of legality as a theoretical basis of the numerous legislative initiatives, Peter I for many decades used it for legitimation of existing rules of the Cathedral code penetrated by the principle of a soslovnost. Besides legality was considered by it as the only legal means, allowing to concentrate all completeness of the Supreme power in hands of the monarch that inevitably conducted in the conditions of domination of a traditionalist social paradigm to fixing of the nadsoslovny status of autocracy. Having delivered

destiny of the transformations and stability of the imperial status in dependence on degree of a practical embodiment of the doctrine to "a lawful monarchy" in a daily legal life of Russia, Peter I created, thus, precedent and paved the way for the next successors to transformation of the principle of legality into a fundamental factor of legal policy of the Russian autocracy.

Key words: principle of legality, centralization, Russian autocracy, legal policy

С.И. Ворошилин

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ – НАСИЛЬСТВЕННАЯ СМЕНА ТОПОНИМОВ ВСЛЕДСТВИЕ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ (Часть 2)

Войны и революции всегда приносили ущерб культуре. Разрушались памятники архитектуры, гибли учителя и ученые, горели книги, но самым тяжелым последствием была утрата памяти о прошлом народа. Часто это происходило стихийно, когда население постепенно усваивало культуру победителя и забывало собственную. В других случаях победитель сознательно уничтожал культуру побежденного. Во второй части нашего обзора мы пытаемся осветить вопрос о смене топонимов в XX в. на территории бывшей Российской империи. Следует признать нецелесообразным изменять первоначально данное или традиционно используемое название, в угоду временным политическим или идеологическим требованиям. При необходимости новые названия должны даваться только вновь основанным населенным пунктам, что одновременно превращает такое название в исторический памятник своего времени. Нам представляется, что массовые насильственные переименования исторических и национальных названий следует считать проявлением этноцида и преступлением против человеческой культуры.

Ключевые слова: топонимические войны, топонимы, культура, памятники, архитектура

Войны и революции всегда приносили ущерб культуре. Разрушались памятники архитектуры, гибли учителя и ученые, горели книги, но самым тяжелым последствием была утрата памяти о прошлом народа. Часто это происходило стихийно, когда население постепенно усваивало культуру победителя и забывало собственную. В других случаях победитель сознательно уничтожал культуру побежденного. Во второй